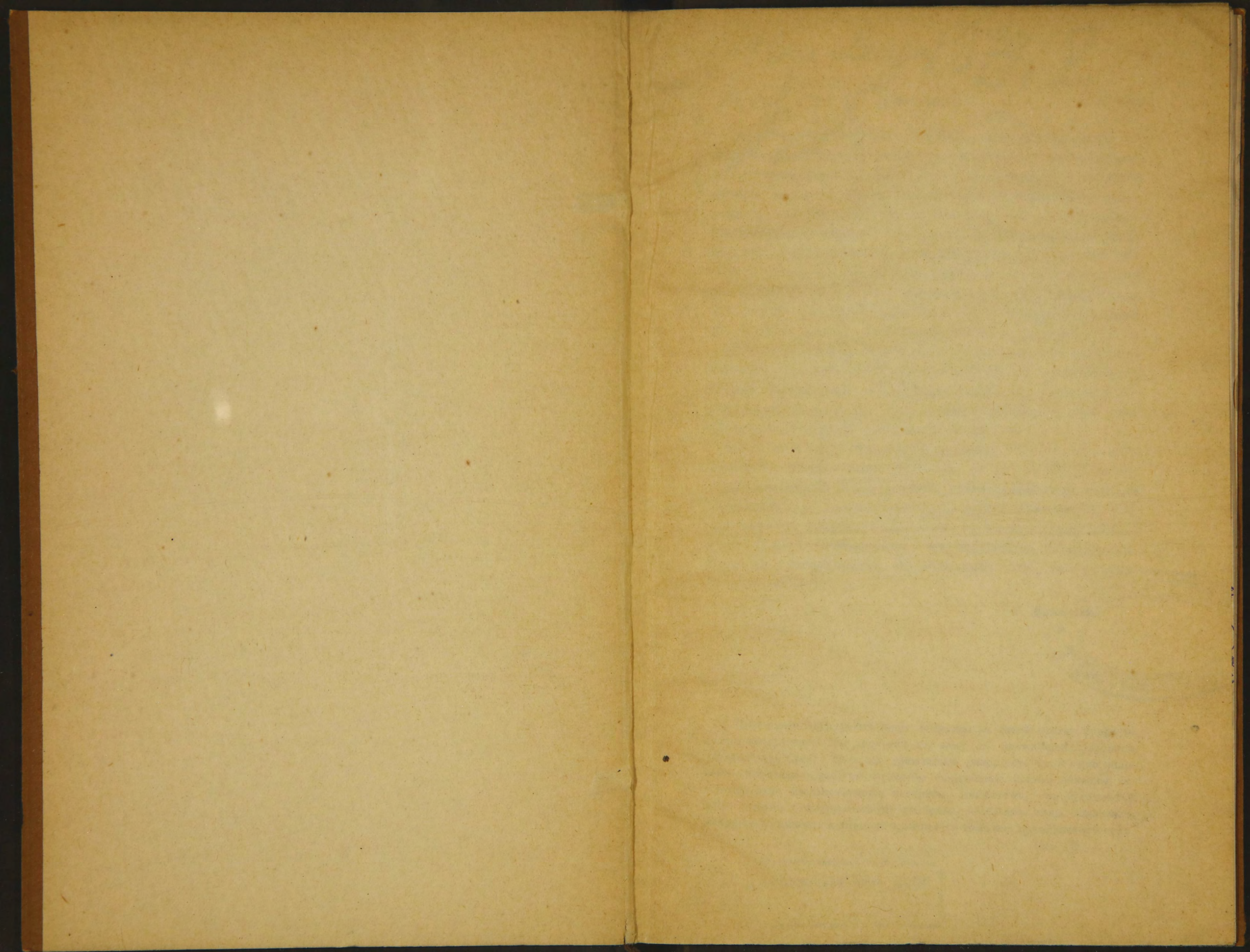

13535.

А въ томъ, что цѣль какого-либо предпріятія не должна быть смѣшиваема со средствами, избранными для достиженія этой цѣли, какъ не имѣющими съ ними ничего общаго. Цѣль заключенія большинства договоровъ заключается въ стремленіи къ обогащенію—стремленіе, пожалуй, идеальное и, быть можетъ, даже духовно-нравственное, если контрагенты самымъ текстомъ договора обязались разнести полученные ими прибыли по церквамъ и монастырямъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что самый договоръ ничтоженъ и не входитъ въ нормы гражданской экономической жизни?

Nominum causa omne jus constitutum est, говорили Римляне. Но человѣчество идетъ впередъ,—возникаютъ новыя гражданскія отношенія, новыя соціальныя явленія; за ними должны идти вслѣдъ законъ и его толкователи—*tanquam potestatem habentes*.

Есть, говоритъ китайскій мудрецъ Кіа-И (въ своихъ совѣтахъ императору Венъ-Ти, II ст. до Р. Х.), законы для дѣтей и для отцовъ, для подчиненныхъ и для начальниковъ, для народа и для правительства; но всѣ эти законы, людьми созданные, имѣютъ судьбу всѣхъ дѣлъ рукъ человѣческихъ: они приходятъ въ ветхость. Если не поддерживать, не обновлять ихъ, они рушатся и погибаютъ *).

Р. Минцловъ.

*) Почтенный сотрудникъ нашъ коснулся въ своей статьѣ предмета крайне-интереснаго. Мы вернемся къ нему въ ближайшей „хроникѣ гражданского суда“. Тамъ мы попытаемся разрушить то ложное положеніе рязанскаго суда, что будто-бы гражданскіе законы обязаны защищать одни имущественные интересы. Напротивъ, при правильной точкѣ зрѣнія, неимущественные интересы частныхъ лицъ подлежатъ одинаковой защитѣ съ имущественными въ томъ же, гражданскомъ судѣ.

Ред. (М.).

78068

Дачевский В.

ПАРИЖСКАЯ МОРСКАЯ ДЕКЛАРАЦІЯ.

Истолкованіе отдѣльныхъ постановленій парижской морской деклараціи
16 апрѣля 1856 года и необходимыя къ ней дополненія.

16 апрѣля 1856 года уполномоченные, собравшіеся на парижскомъ конгрессѣ, подписали протоколъ, заключающій въ себѣ торжественную декларацію о правахъ нейтральныхъ и морской войнѣ. Постановленія этой деклараціи гласятъ:

1) каперство есть и остается уничтоженнымъ; 2) нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскіе товары, за исключеніемъ военной контрабанды; 3) нейтральные товары подъ непріятельскимъ флагомъ не подлежатъ захвату, за исключеніемъ военной контрабанды; 4) блокада, чтобы быть обязательною, должна быть дѣйствительною, т.-е. поддерживаема силою, достаточною, чтобы фактически воспретить (interdire) приближеніе къ непріятельскому берегу.

Въ виду громадной важности этой деклараціи, мы намѣрены представить интерпретацію ея отдѣльныхъ постановленій. Опытъ предлагаемаго нами истолкованія этого важнаго международно-законодательнаго акта имѣеть, по преимуществу, если даже не исключительно, теоретическій характеръ. При интерпретаціи четырехъ параграфовъ деклараціи мы будемъ главнымъ образомъ имѣть въ виду и прилагать истолкованіе логическое и историческое.

§ 1.

«*La course est et demeure abolie*» (каперство есть и остается уничтоженнымъ).

При интерпретаціи этого параграфа возникают нѣкоторыя очень важныя недоразумѣнія: воспрещается-ли текстомъ изложеннаго параграфа учрежденіе такъ-называемаго добровольнаго флота (*freiwillige Seewehre*)?

Первая попытка ко введенію этого учрежденія относится къ 1870 году, т.-е. къ эпохѣ франко-германской войны. Декретомъ короля прусскаго отъ 24 іюля 1870 года *частныя лица* съ ихъ кораблями призывались на помощь правительству. Корабли, собираемые такимъ образомъ путемъ реквизиціи, оставались собственностью частныхъ лицъ; но право собственности на нихъ не было передано государству, а оставлялось за арматорами. Экипажу же этихъ судовъ предоставлялась извѣстная премія. Изъ дальнѣйшихъ постановленій этого декрета видно, что офицеры и экипажъ этого добровольнаго флота приглашались и собирались самими арматорами. Правда, они должны были получить разрѣшеніе отъ правительства и носили форму; *но все же они* не считались причисленными къ федеральному флоту.

Отсюда понятно, что учрежденіе это вполне подходитъ подъ понятіе каперства, отмѣненнаго § 1 деклараціи. Существенно частный характеръ операцій, для которыхъ предназначался этотъ флотъ, вполне совпадаетъ съ таковымъ же характеромъ операцій каперовъ, что и вынудило безпристрастнаго ученаго (Кальво) высказаться противъ этого пагубнаго нововведенія. Оно было опротестовано и французскимъ правительствомъ, заявившимъ въ циркулярной депешѣ, что германскій добровольный флотъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ нарушеніе началъ деклараціи 1856 года. Франція заявила даже, что она будетъ употреблять противъ этихъ новыхъ арматоровъ мѣры строгости, согласныя съ правомъ войны. Этого нарушенія деклараціи *не усматривали* англійскіе коронные юристы, которые не видѣли въ германскомъ нововведеніи косвеннаго возстановленія каперства. По ихъ мнѣнію, операціи, къ которымъ былъ призванъ добровольный флотъ, скорѣе должны быть приравняемы къ операціямъ волонтеровъ, или такъ-называемыхъ *corps francs*, вполне признанныхъ и санкціонированныхъ международнымъ правомъ. Мнѣніе это,

раздѣляемое и проф. Блунчли, высказавшимся впоследствии по поводу русскаго добровольнаго флота въ томъ же смыслѣ, совершенно ошибочно. Между добровольнымъ флотомъ и *franc-tireur*'ами нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго: первый призванъ къ грабежу частной собственности на морѣ (исключительно), тогда какъ вторые—имѣютъ въ виду чисто-военныя операціи, защиту отечества по преимуществу, и признаютъ принципъ неприкосновенности помянутой собственности, давно установившійся въ сухопутныхъ войнахъ.

Мысль о германскомъ добровольномъ флотѣ, не получившая практическаго осуществленія, вновь воскресла, *впрочемъ въ значительно-смяченномъ видѣ*, во время русско-турецкой войны 1877—78 годовъ. Учрежденіе русскаго добровольнаго флота представляетъ собою нѣчто среднее *между старымъ каперствомъ* (включая сюда и германскій добровольный флотъ) и *военнымъ флотомъ*.

Къ каперству оно приближается потому, что направлено исключительно противъ частной непріятельской собственности, т.-е. возстановляетъ отжившій духъ этого средневѣковаго учрежденія и не преслѣдуетъ чисто-военныхъ цѣлей (уже по самой конструкціи добровольнаго флота). Съ другой стороны, нашъ добровольный флотъ приближается и къ военному государственному флоту: экипажъ, офицеры его назначаются правительствомъ, суда его носятъ государственный флагъ и призы поступаютъ въ государственную собственность.

Теперь спрашивается: воспрещено-ли подобное, среднее между двумя крайностями, учрежденіе смысломъ § 1 деклараціи? Очевидно, что *буквальное* истолкованіе приведеннаго текста не противится этому нововведенію. Въ немъ упомянуто только объ *отмѣнѣ каперства* (*la course*), понятіе котораго очень характеристично и достаточно выяснилось. Сомнѣніе открывається только въ томъ случаѣ, когда мы примемъ во вниманіе *духъ и цѣль* деклараціи и 1 параграфа въ частности и подвергнемъ послѣдній *исторической интерпретаціи въ обширномъ и узкомъ* смыслѣ этого слова. Предварительно замѣтимъ, что мы рѣшаемся высказать здѣсь свое мнѣніе, не касаясь *политической и практической* стороны разсма-

триваемаго вопроса, имѣя исключительно въ виду *юридическую* сторону его въ приложеніи къ интерпретаціи деклараціи. Мы допускаемъ, что правительство и само имѣло право, согласно съ буквою текста § 1 деклараціи, на введеніе этого учрежденія.

Что имѣлъ въ виду парижскій конгрессъ отмѣною каперства? Несомнѣнно, что онъ стремился смягчить бѣдствія морской войны, высказывающіяся главнымъ образомъ по отношенію къ частной непріятельской собственности. Оградить, хотя нѣсколько, частную собственность можно было не иначе, какъ отмѣною учрежденія, исключительно-направленнаго противъ нея, т.-е. каперства. Мысль эта высказана еще Тувенелемъ и потомъ Друэнъ де Льюисомъ въ его рапортѣ императору Наполеону III (передъ началомъ восточной войны 1854—55 годовъ), въ которомъ говорится о необходимости «*de diminuer autant que possible les maux de la guerre*». Этими же мыслями руководились и делегаты, засѣдавшіе на парижскомъ конгрессѣ, что видно изъ протоколовъ засѣданій парижскаго конгресса, и что *отчасти* высказано въ самыхъ прелиминаріяхъ къ деклараціи. Слѣдовательно, *духъ* и *цѣль*, которые имѣлись въ виду парижскимъ конгрессомъ, противятся введенію учрежденія *исключительно направленаго противъ частной непріятельской собственности на морѣ* (каковымъ является нашъ добровольный флотъ), чего не отрицаютъ сами защитники этого учрежденія. Нельзя «*diminuer autant que possible les maux de la guerre*» введеніемъ учрежденія, способствующаго этому злу (этимъ *maux de la guerre*). Намъ возразятъ, конечно, что право захвата частной непріятельской собственности на морѣ сохранено за военнымъ флотомъ. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; это истекаетъ изъ всего предшествовавшаго деклараціи, изъ ея текста и послѣдующихъ за деклараціею историческихъ событій. Но дѣло въ томъ, что *военный флотъ* главною задачею своею имѣетъ преслѣдованіе чисто-военныхъ цѣлей, занять военными операціями. Захватъ частной собственности практикуется имъ только между прочимъ. Онъ на практикѣ почти не *пользуется* этимъ правомъ. Ему—не до того, не до

преслѣдованія купеческихъ кораблей. Такимъ образомъ сохраненіе за нимъ права захвата при уничтоженіи каперства, не занимающагося военными операціями, но *исключительно* направленаго противъ частной собственности, даетъ все же возможность къ уменьшенію бѣдствій морской войны. Парижскій конгрессъ установилъ такимъ образомъ компромиссъ между широкимъ правомъ захвата, признававшимся дотолѣ на морѣ, и принципомъ неприкосновенности той собственности, признанной и уже давно установившимся на сушѣ. Компромиссъ этотъ, безъ котораго многія державы (Англія же во всякомъ случаѣ) не приняли бы участія въ подписаніи той деклараціи, даетъ возможность и вѣрные шансы на скорое практическое осуществленіе начала полной неприкосновенности частной собственности на морѣ, — начала, требуемаго ходомъ исторіи морскаго международнаго права и вообще человѣческаго прогресса. Это приводитъ насъ къ *историческому истолкованію* § 1 деклараціи 16 апрѣля 1856 года. Каперство, соотвѣтствовавшее духу среднихъ вѣковъ, достигшее апогея своего процвѣтанія во времена войнъ французской революціи, первой имперіи и континентальной системы, нашло противника въ наукѣ еще въ XVIII вѣкѣ. Оно совершенно падаетъ въ жизни и отвергается многими учеными съ 1814 года. Парижскій конгрессъ далъ только юридическую санкцію, освятилъ то, что уже сложилось самою жизнью и нашло поддержку въ наукѣ.

На этомъ не могъ остановиться прогрессъ въ исторіи морскаго международнаго права. Все болѣе признается въ жизни и въ наукѣ принципъ, по которому война есть вооруженная борьба государства, а не частныхъ лицъ. Отсюда — логическій выводъ о неприкосновенности частной собственности непріятеля. Онъ давно установился и общепризнанъ на сушѣ; въ морской войнѣ развитіе его и примѣненіе задержаны особенными тенденціями въ морской политикѣ нѣкоторыхъ державъ, преслѣдовавшихъ при этомъ свои «исключительные интересы». Но съ 1856 года начинается рядъ громкихъ и сильныхъ протестовъ противъ захвата непріятельской собственности на морѣ. Они раздаются и формулируются торговыми

палатами Бремена, Любека, Гамбурга, находятъ сочувствіе даже въ Англіи. О немъ говорятъ въ представительныхъ учрежденіяхъ Англіи, Германіи и Италиі. Большинство ученыхъ, кромѣ англо-американцевъ, признають его и настаиваютъ на его признаніи. Въ войнахъ 1864 г. и отчасти въ войнѣ 1870 года начала деклараціи 1856 года получили свое дальнѣйшее развитіе и частная собственность на морѣ почти не подвергалась конфискаціи (въ войнѣ 1870—71 года *нѣмцами*). Итакъ все указываетъ на потребность нашего времени въ возможномъ ограниченіи ужасовъ морской войны и въ постепенномъ установленіи принципа неприкосновенности частной морской собственности на морѣ. Понятно, что введеніе учрежденія, *исключительно* нападающаго на эту собственность, задерживаетъ и ослабляетъ историческій ходъ прогресса въ морскихъ войнахъ. Современный принципъ международнаго праваго общенія, вытѣсняющій и замѣняющій собою начало «исключительныхъ интересовъ», которыми прежде руководствовались государства въ сферѣ международныхъ сношеній, включаетъ въ себѣ *охрану и защиту* интеллектуальныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ и *матеріальныхъ* интересовъ всѣхъ членовъ цивилизованнаго международнаго союза. Эти матеріальные интересы международнаго союза нарушаются, терпятъ ущербъ отъ каперства и отъ признанія начала захвата непріятельской собственности на морѣ. Какъ компромиссъ, право захвата предоставлено еще военному флоту, мало-способному пользоваться имъ. Не будетъ-ли нарушеніемъ этихъ матеріальныхъ интересовъ всего союза, а, слѣдовательно, и нарушеніемъ принципа международнаго праваго общенія, учрежденіе добровольнаго флота, поставившее себѣ исключительно цѣлью — преслѣдованіе и грабежъ частной непріятельской собственности? Не потерпитъ-ли отъ него весь международный союзъ, связанный общими экономическими интересами?

Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы этотъ спорный и важный вопросъ былъ разрѣшенъ самими контрагентами. Мы видѣли, что Франція, въ лицѣ своего правительства, Англія же—черезъ посредство коронныхъ юристовъ, различно

взглянули на учрежденіе германскаго добровольнаго флота. Только *interpretatio legis autentica*, т.-е. истолкованіе § 1 деклараціи 16 апрѣля 1856 года самими контрагентами, можетъ, по нашему мнѣнію, разрѣшить этотъ споръ *окончательно* въ интересахъ справедливости и современнаго состоянія морской войны. Покуда же мы, *лично*, приходимъ къ заключенію, что буквальное толкованіе изложеннаго параграфа не противится учрежденію добровольнаго флота въ *русскомъ ея видѣ*. Духъ же, цѣль деклараціи и историческое ея толкованіе въ узкомъ и широкомъ смыслѣ не согласуются съ этимъ учрежденіемъ. Желательна и даже необходима законодательная ея интерпретація самими контрагентами (*interpretatio legis autentica*).

§§ 2 и 3.

§ 2. «*Le pavillon neutre couvre la marchandise ennemie, à l'exception de la contrebande de guerre*» (нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій товаръ, за исключеніемъ военной контрабанды); § 3 «*La marchandise neutre, à l'exception de la contrebande de guerre, n'est pas saisissable sous pavillon ennemi*» (нейтральный товаръ, за исключеніемъ военной контрабанды, не подлежитъ захвату подъ непріятельскимъ флагомъ).

При анализѣ этихъ двухъ постановленій мы замѣчаемъ, во-1-хъ, отсутствіе опредѣленія военной контрабанды, т.-е. подробнаго перечисленія предметовъ запрещенной для нейтральныхъ торговли съ воюющими; во-2-хъ, естественно, рождается вопросъ: буквальное, логическое и историческое истолкованіе текста § 2 отнимаютъ-ли у воюющихъ право пользованія такъ-называемыми правилами войны 1756 и 1793 годовъ?

I. Что касается до военной контрабанды, то отсутствіе въ текстѣ ближайшаго опредѣленія ея дастъ, повидимому, контрагентамъ право понимать эту контрабанду въ узкомъ или широкомъ смыслѣ, смотря по обстоятельствамъ данной минуты, постановленіямъ отдѣльныхъ трактатовъ, заключенныхъ въ разное время контрагентами, согласно наконецъ съ традиціями

англійской морской политики и публицистовъ англо-американскаго лагеря, или же съ болѣе гуманными и справедливыми воззрѣніями французскаго правительства и публицистовъ франко-германскаго лагеря. Подобная неопредѣленность и существенное различіе во взглядахъ на военную контрабанду, учене о которой и въ настоящее время принадлежитъ еще къ числу наиболѣе спорныхъ въ отдѣлѣ правъ нейтральныхъ, могутъ повести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ при примѣненіи началъ 1856 года въ практикѣ морскихъ войнъ, ослабить благодѣянія деклараціи; при нѣкоторой же недобросовѣстности со стороны контрагентовъ (напр., со стороны Англіи) къ крупнымъ злоупотребленіямъ, могущимъ, при *исключительно* буквальномъ истолкованіи текста подлежащихъ параграфовъ, даже совершенно уничтожить значеніе принципа свободы нейтральнаго груза подъ непріятельскимъ флагомъ и товаровъ непріятельскихъ подъ флагомъ нейтральнымъ. Но если мы обратимся къ *духу* и *цѣлямъ* акта 16 апрѣля 1856 г. вообще и текста §§ 2 и 3 въ частности, то увидимъ, что они противятся излишнему распространенію понятія военной контрабанды. Актъ парижской деклараціи подписанъ 49 державами, изъ которыхъ только одна (Англія и ея ученые) склонна къ распространительному (широкому) истолкованію понятія той контрабанды. Всѣ остальные державы-контрагенты уже издавна склоняются къ возможно узкому пониманію объема военной контрабанды; въ этомъ смыслѣ заключены ими въ срединѣ и концѣ настоящаго столѣтія рядъ трактатовъ; въ этомъ же благопріятномъ для нейтральныхъ смыслѣ высказываются почти всѣ современные публицисты — французы, нѣмцы, итальянцы и русскіе. Приступая къ деклараціи, Англія, очевидно, отказывалась отъ прежнихъ традицій морской войны. Въ числѣ послѣднихъ весьма видную роль играло право конфискаціи непріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ (иначе «*consolato del mare*»), отъ котораго Англія отказалась. Но понятно, что этотъ отказъ былъ бы только мертвою буквою, еслибы эта держава сохранила за собою право подразумѣвать подъ контрабандою, конфискуемою во всякомъ случаѣ (и подъ ней-

тральнымъ флагомъ, какъ то явствуетъ изъ текста § 2), всѣ тѣ предметы изъ класса «ancipitis unis» (одинаково употребляемыхъ во время мира и войны), которые съ такою настойчивостью конфисковались ею подъ видомъ контрабанды въ прежнихъ ея войнахъ. Естественно также, что ни одна изъ остальныхъ державъ-контрагентовъ не рѣшилась бы и не желала отказаться ради «исключительныхъ интересовъ» Англіи отъ того воззрѣнія на военную контрабанду, которое господствуетъ въ настоящее время въ трактатахъ и въ ученіяхъ публицистовъ (кромя англо-американцевъ). Присоединеніе Англіи къ деклараціи было *уступкою* съ ея стороны требованіямъ времени и выработавшемуся у всѣхъ другихъ державъ юридическому сознанію о военной контрабандѣ, какъ предметахъ торговли, воспрещенной нейтральнымъ. Только посредствомъ этой *уступки* возможно было уполномоченнымъ «установить однообразную доктрину (une doctrine uniforme) въ столь важномъ вопросѣ», т.-е. въ морскомъ международномъ правѣ (см. объясненіе, или прелиминаріи къ тексту парижской деклараціи). Это *единообразіе* во взглядахъ не достигалось прежде именно благодаря одной только Англіи, которая solo шла въ разрѣзъ съ духомъ времени, трактатами другихъ государствъ и мнѣніями безпристрастныхъ ученыхъ. Это противорѣчіе со стороны Англіи и повлекло къ тому, что «морское международное право во время войны», какъ говорится въ тѣхъ же прелиминаріяхъ къ деклараціи, «было въ продолженіе долгаго времени предметомъ достойныхъ сожалѣнія *споровъ*», *которые* съ особенною силою и рельефностью выступали всякій разъ, когда заходило дѣло о *военной контрабандѣ*. Цѣль же деклараціи—прекратить эти споры, слѣдовательно, и по отношенію къ военной контрабандѣ, что и можетъ быть достигнуто уступкою Англіи, заключающейся въ отказѣ отъ расширительнаго истолкованія понятія о предметахъ запрещенной для нейтральныхъ торговли. *Духъ же* деклараціи и разсматриваемаго текста §§ 2 и 3 отличается крайнею гуманностью, явно благопріятенъ свободѣ торговли нейтральныхъ, которая терпитъ большой ущербъ отъ увеличенія списка запрещенныхъ предметовъ торговли нейтраль-

ныхъ съ воюющими. *Духъ деклараціи* не благопріятствуетъ такому толкованію ея текста, которое могло бы отнять у нейтральныхъ дарованная имъ благодѣянія. Поэтому въ возникающихъ сомнѣніяхъ всегда должно примѣнять принципъ *interpretatio legis extensiva*, когда заходитъ рѣчь о *правахъ* нейтральныхъ, и *interpretatio restrictiva*, когда ставится вопросъ объ ихъ *обязанностяхъ*. Во всякомъ случаѣ, для избѣжанія теоретическихъ, но, въ особенности, практическихъ недоразумѣній и злоупотребленій, рождающихся при недобросовѣстности интерпретаціи §§ 2 и 3, необходима *interpretatio legis autentica*, т. е. сами контрагенты должны въ дополнителномъ къ деклараціи актѣ условиться относительно исчисления объектовъ военной контрабанды. Согласно съ современнымъ состояніемъ вопроса о послѣдней въ наукѣ, въ международныхъ обычаяхъ и трактатахъ, можно было бы принять за образецъ, напр., постановленіе art. 13 *пиринейскаго мирнаго трактата* (заключенъ Испаніей и Франціей въ 1659 году), признающаго военной контрабандой только *оружіе, аммуницію, лошадей* и все то, что *непосредственно* служить цѣлямъ войны. То же постановленіе цѣликомъ повторено въ § 20 *утрехтскаго мирнаго договора* (11 апрѣля 1713 года), заключеннаго Франціей, Испаніей, Англіей и Голландіей. Здѣсь прямо изъемяются изъ понятія военной контрабанды «драгоцѣнные металлы въ слиткахъ и въ монетѣ, съѣстные припасы, обыкновенные металлы, уголь и всѣ *непереработанные* матеріалы, способные къ конструкціи, снаряженію и вооруженію корабля». Всѣ эти предметы признаны матеріаломъ, «одинаково употребляемымъ во время мира и войны» (*ancipitis unis*), и изъемяются изъ конфискаціи. Замѣчательно, что *текстъ § 20 разсматриваемаго трактата почти цѣликомъ вошелъ въ договоръ Россіи и Англии* отъ 1766 года, принять потомъ и въ декларацію императрицы Екатерины II о первомъ вооруженномъ нейтралитетѣ (1780 г.). Въ настоящее время, конечно, пришлось бы нѣсколько дополнить и видоизмѣнить списокъ тѣхъ предметовъ, такъ какъ нельзя забывать, что военное искусство и потребности военнаго дѣла значительно съ тѣхъ поръ усовершенствовались и измѣ-

нились. Но приведенные договоры могли бы служить только *типомъ, образцомъ* и всѣ державы легко сговорились бы; не трудно было бы установить извѣстнаго рода компромиссъ. Англія, быть можетъ, и отказалась бы отъ присоединенія къ подобному дополнительному къ деклараціи акту, что, понятно, было бы съ ея стороны недобросовѣстно. Но во всякомъ случаѣ этотъ новый актъ, служа естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ къ тексту § 2 и 3, могъ бы быть соблюдаемъ и охраняемъ всѣми остальными контрагентами.

II. Подъ именемъ правила войны 1756 года извѣстно стѣсненіе нейтральной торговли, заключавшееся въ томъ, что Англія, тогда въ войнѣ съ Франціей, запретила нейтральнымъ голландскимъ кораблямъ торговлю произведеніями французскихъ колоній, т.-е. вывозъ изъ нихъ. Предлогомъ этому запрещенію служило то странное соображеніе, что французскіе законы того времени воспрещали иностраннымъ кораблямъ (и голландскимъ въ томъ числѣ) торговлю съ французскими колоніями и что разрѣшеніе ея воспослѣдовало только *во время* войны и *вслѣдствіе самой* войны, давая такимъ образомъ Франціи возможность укрывать свою торговлю подъ нейтральнымъ флагомъ. Нейтральные, нарушившіе этотъ «*order of the councede*» (приказъ англійскаго тайнаго кабинета), приравнявались къ непріятелямъ, корабли ихъ конфисковались. Правило это, вполне согласовавшееся съ системой колониальной морской политики того времени, съ духомъ монополизациі морской торговли, нашло себѣ еще большее развитіе во время войнъ первой французской революціи и имперіи. Оно возстановлено приказами англійскаго кабинета отъ 1793 года, въ §§ 5 и 7 берлинскаго декрета (отъ 4 ноября 1806 года), причемъ уже самое слѣдованіе нейтральныхъ купеческихъ кораблей въ колоніи непріятеля, или возвращеніе ихъ оттуда, хотя бы и ненагруженныхъ товарами тѣхъ колоній, подвергало ихъ конфискаціи. Правило войны 1756 г. легко объясняется и оправдывается до нѣкоторой степени тѣмъ, что Англія (и многія другія государства) не признавала въ то время принципа неприкосновенности непріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ, если даже собствен-

ность эта и не составляла военной контрабанды, а была самым безобиднымъ товаромъ. Достаточно было одной принадлежности тѣхъ товаровъ непріятелю. Несправедливость правила войны 1756 года заключалась, слѣдовательно, только въ томъ, что оно подвергало конфискаціи и самый нейтральный корабль; несправедливость же правила 1793 и 1806 годовъ уже значительнѣе, такъ какъ здѣсь подлежитъ захвату и конфискаціи нейтральный корабль, не везущій никакихъ непріятельскихъ товаровъ, а также нейтральные товары, нагруженные на вражескихъ судахъ. Можетъ-ли быть рѣчь о подобнаго рода стѣсненіяхъ въ настоящее время, вытекають-ли оныя изъ буквы, духа, цѣли и историческаго (въ узкомъ и широкомъ смыслѣ) истолкованія деклараціи 16 апрѣля 1856 года? Отрицательный отвѣтъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Буквальный смыслъ текста §§ 2 и 3 прямо разрѣшаетъ нейтральнымъ перевозъ товаровъ воюющихъ, а воюющимъ — перевозъ груза нейтральнаго, за *исключеніемъ одной только военной контрабанды*. Отсюда понятно, что запрещенію подлежатъ и тѣ предметы этой контрабанды, которые вывозятся изъ колоній воюющихъ, ибо для понятія о военной контрабандѣ совершенно безразлично мѣсто, изъ котораго она вывозится, а важно самое качество тѣхъ предметовъ, которые, очевидно, могутъ вывозиться и изъ колоній воюющихъ, а также мѣсто ихъ назначенія (т.-е. порты, гавани и берега воюющихъ). Предметы же *невинные*, входящіе въ составъ военной контрабанды, которыхъ очень много даже въ чреватомъ запрещеніями спискѣ военной контрабанды въ *англійскомъ* смыслѣ, прямо отнесены текстомъ разбираемыхъ нами параграфовъ къ числу дозволенныхъ для нейтральной торговли. Если бы актъ 1856 года пожелалъ сохранить за воюющими право пользованія этими вопіющими злоупотребленіями, достойными эпохи варварства, то онъ не дѣлалъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, оговорки въ этомъ смыслѣ. Подобное строгое, запретительное постановленіе, столь уменьшающее и могущее иногда даже совершенно уничтожить предоставленное нейтральнымъ право, необходимо должно быть включено въ текстъ трактата; но этого нѣтъ. Духъ деклараціи, особенно

гуманный по отношенію къ отмѣнѣ каперства и признанію начала «свободенъ флагъ—свободны товары», «несвободенъ флагъ — свободны товары» («frei schiff — frei gut», «unfrei schiff — frei gut»), рѣшительно несогласимъ съ этими правилами, практиковавшимися Англіею (и то рѣдко), въ самую критическую эпоху морскаго международнаго права, и континентальными державами, слѣпо повиновавшимися Наполеону I, въ непродолжительную и мрачную эпоху 1806 — 12 годовъ. Не стоило бы ни собираться, ни подписывать парижской деклараціи, еслибы изъ нея можно было извлечь хоть тѣнь чего-нибудь похожаго на несправедливѣйшія, нелѣпѣйшія правила войнъ 1756 и 1793 годовъ! Цѣль деклараціи—смягчить бѣдствія морской войны (по преимуществу для нейтральныхъ) и дать единообразное рѣшеніе, компромиссъ, по вопросамъ международнаго права — достаточно подтверждаетъ нашу мысль. «Diminuer autant que possible les maux de la guerre»—невозможно, предоставивъ торговлю нейтральнымъ на жертву правиламъ указанныхъ войнъ. Это было бы равносильно внесенію въ актъ международнаго законодательнаго значенія началъ, практиковавшихся почти исключительно одною Англіею, при исключительныхъ, давно забытыхъ обстоятельствахъ, началъ, противъ которыхъ протестовалъ почти весь міръ и множество ученыхъ. Это значило бы дать юридическую санкцію традиціоннымъ и несправедливымъ началамъ морской политики Англіи, съ которою боролись почти всѣ остальные державы, покончить съ которыми *именно* имѣли въ виду делегаты парижскаго конгресса, выразившіе юридическое сознаніе о нормахъ морскаго международнаго права, вѣками выработанныхъ и признаваемыхъ громаднымъ большинствомъ членовъ международнаго союза.

Возстановленіе истребительнаго принципа тѣхъ войнъ рѣшительно несовмѣстимо также съ *исторіей* заключенія деклараціи 16 апрѣля и съ историческимъ толкованіемъ ея въ широкомъ смыслѣ. Мотивы заключенія морской деклараціи высказаны еще въ переговорахъ, которые вели между собою Франція и Англія въ началѣ восточной войны 1854—55 гг., относительно политики тѣхъ державъ по отношенію къ ней-

тральнымъ. Ни единымъ звукомъ, ни единымъ намекомъ не упомянуто ни въ одной изъ депешъ, сюда относящихся, о чемъ-либо, похожемъ хотя бы на тѣнь правилъ 1756 и 1793 годовъ! Нѣтъ ничего похожего и въ протоколахъ засѣданій конгресса (№ 22 и 23) 1856 года; еще менѣе встрѣчаемъ мы что-нибудь подобное въ прелиминаріяхъ къ тексту 4-хъ параграфовъ парижской морской деклараціи. Наконецъ вся исторія морскаго международнаго права съ достаточною силою и ясностью осуждаетъ перетолкованіе акта 1856 года въ въ подобномъ смыслѣ. Правило войны 1756 года было совершенно неизвѣстно ранѣе того, не основано ни на обычаяхъ морской войны, ни на трактатахъ (чего не отрицаютъ даже англійскіе публицисты) всегда имѣло мало приверженцевъ въ наукѣ и между правительствами.

Самъ императоръ французовъ, возстановляя оное въ берлинскомъ декретѣ, смотрѣлъ на это правило, усиленное имъ въ строгости и несправедливости, какъ на репрессалію противъ Англій, нарушавшей международное право. Съ 1813 г. исторія международнаго права не знаетъ ни одного случая примѣненія подобныхъ правилъ. Легко объяснимыя въ XVIII вѣкѣ колониальною и монопольною морскою политикою того времени правила, нами разсматриваемыя, потеряли въ настоящее время всякій смыслъ и значеніе. Колониальная и монопольная системы торговли совершенно пали и притомъ безвозвратно, международная торговля основана на иныхъ экономическихъ началахъ; ни одному изъ современныхъ государствъ не можетъ быть интереса въ возстановленіи правилъ 1756 и 1793 г., если они не желаютъ раззорить самихъ себя и возбудить противъ себя протестъ всего міра.

§ 4.

«Les blocus, pour être obligatoires, doivent être effectifs, c'est-à-dire maintenus par une force suffisante pour interdire réellement l'accès du littoral de l'ennemi» (блокады, чтобы быть обязательными, должны быть дѣйствительными, т.-е. поддерживаемы силою, достаточною, чтобы на самомъ дѣлѣ

воспретить (воспрепятствовать) приближеніе къ непріятельскому берегу).

Изложенное постановленіе не совсѣмъ ясно и формулировано съ недостаточною точностью; текстъ его даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Изъ всѣхъ вопросовъ, затронутыхъ въ 4-хъ пунктахъ парижской деклараціи, ни одинъ столько не нуждается въ опредѣленной, рельефной формулировкѣ, какъ вопросъ о дѣйствительной, фактической блокадѣ. Три вопроса, истекающіе изъ права блокады, подлежатъ здѣсь нашему разсмотрѣнію: 1) *текстъ* изложеннаго 4-го постановленія *допускаетъ-ли такъ-называемую блокаду чрезъ посредство крейсеровъ* (blocus par croisière), *въ англійскомъ смыслѣ?* 2) *можетъ-ли считаться дозволенною блокада коммерческая и, въ 3-хъ, блокада мирная* (blocus pacifique)?

I. Такъ-называемая блокада чрезъ посредство крейсеровъ есть не что иное, какъ нѣсколько смягченная *фиктивная или бумажная блокада* (blocus fictif ou sur papier), практиковавшаяся всѣми сильными морскими державами въ XVII, XVIII и въ началѣ XIX вѣка, въ особенности же Англіею, ревностно примѣнявшею ее во всѣхъ серьезныхъ морскихъ войнахъ (до 1812—14 годовъ). Парижскій конгрессъ, отмѣняя каперство и другія злоупотребленія морскихъ войнъ, обратилъ серьезное вниманіе на такъ-называемую фиктивную блокаду. Въ своемъ опредѣленіи блокады, изложенномъ въ вышеприведенномъ текстѣ, конгрессъ прямо требуетъ отъ нея дѣйствительности, способности и фактически воспретить приближеніе къ непріятельскому берегу («pour interdire l'accès du littoral ennemi»). Если система крейсерной блокады удовлетворяетъ этой цѣли, т. - е. можетъ *фактически* воспрепятствовать доступъ къ блокированнымъ берегамъ, портамъ и гаванямъ воюющаго, то они, всеконечно, представляются блокадою дѣйствительною, согласующеюся съ тѣми требованіями, которыя предъявляетъ отъ нея конгрессъ для признанія ея законности и обязательности для нейтральныхъ. Но для этого необходимо, чтобы суда, поддерживающія блокаду (крейсера) были расположены въ достаточномъ количествѣ, густою цѣпью, около блокируемыхъ мѣстъ. Нѣтъ этого условія—и блокада

72068
изъ дѣйствительной становится уже фиктивной, незаконною; она причисляется къ тому виду ея, который осужденъ текстомъ 4-го пункта деклараціи. Въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія англійское правительство (въ лицѣ лордовъ Пальмерстона и Росселя) было склонно, повидимому, допустить этотъ новый видъ блокады (крейсерской), столь приближающейся къ отмѣненной на конгрессѣ фиктивной или бумажной блокадѣ. Такъ можно было заключить изъ преній, возникшихъ въ англійскомъ парламентѣ по спорному и возбуждавшему въ свое время общее вниманіе вопросу о блокадѣ съверянами портовъ южанъ (Galmerston'a и Charleston'a). Должно замѣтить однако, что мысли этого рода съ тѣхъ поръ болѣе не высказывались ни правительствомъ, ни членами обѣихъ палатъ соединенныхъ королевствъ. Высказанное почтенными лордами мнѣніе являлось скорѣе теоретическою попыткою къ построенію новой теоріи блокады чрезъ посредство крейсеровъ, чего-то средняго между фиктивной и дѣйствительной блокадою, но приближающагося скорѣе къ первой, высказаннаго только по случаю спорнаго вопроса о блокадѣ тѣхъ двухъ портовъ южанъ. Но, что бы ни говорилъ по поводу этой послѣдней блокады французскій ученый Готфѣль (онъ не признаетъ блокады Charleston'a и Galmerston'a законною и дѣйствительною), въ нашихъ глазахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что блокада тѣхъ городовъ поддерживалась съверянами при достаточныхъ силахъ, являлась, слѣдовательно, дѣйствительною и обязательною для нейтральныхъ. На это указываетъ уже тотъ фактъ, что каперы южанъ не были въ состояніи проникнуть въ тѣ порты, совершенно отрѣзанные отъ сообщенія съ цѣлымъ міромъ и даже вынуждены были жечь въ открытомъ морѣ призы, ими захваченные, вслѣдствіе физической невозможности привести ихъ въ призовый трибуналъ южанъ.

II. Что касается до блокады коммерческой, т.-е. той, которая налагается на порты, гавани и берега незащищенные, но важные лишь въ торговомъ отношеніи и служащіе для мирныхъ сношеній, то блокаду этого рода должно считать безусловно-дозволенною. Прежде всего ей *нисколько* не про-

творѣчитъ *буквальный* смыслъ текста, въ которомъ прямо говорится о «приближеніи къ непріятельскому берегу» («l'accès du littoral ennemi»), но не сдѣлано оговорки относительно «запрещеннаго или укрѣпленнаго берега». Очевидно, что слово «берегъ» («littoral») понимается здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ и члены конгресса непременно примѣнили бы редакцію текста, если бы желали отнять у воюющихъ право пользованія блокадою, налагаемою на коммерческіе берега и порты противника. Все зависитъ отъ того, съ какими силами воюющей принимается за блокаду и являются-ли тѣ силы его достаточными для блокированія военныхъ гаваней, портовъ и укрѣпленныхъ береговъ противника. Духъ деклараціи, конечно, гуманенъ, благопріятенъ для нейтральныхъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что положенія 16 апрѣля 1856 года, отмѣняя многія злоупотребленія воюющихъ, практиковавшіяся ими во время морскихъ войнъ, не могли и не имѣли въ виду отнять у послѣднихъ пользованіе тѣми правами ихъ, безъ которыхъ немыслима современная морская война, которая берется подъ защиту и охрану международного союза и права, выработавшаго въ теченіи многихъ столѣтій извѣстныя начала морскаго международного права. И въ настоящее время коммерческая блокада играетъ въ морской войнѣ весьма видную роль. Посредствомъ ея желаютъ пресѣчь торговлю противника и тѣмъ вынудить его, лишивъ жизненнаго источника для продолженія войны, къ скорѣйшему миру.

Настоящее время, скажутъ намъ, благопріятно принципу неприкосновенности частной непріятельской собственности на морѣ и (подавно) собственности нейтральныхъ; блокада же прямо нарушаетъ этотъ принципъ. Но приводящіе это возраженіе упускаютъ изъ виду, что захвату и конфискаціи частная собственность нейтральнымъ (и воюющаго, въ случаѣ признанія принципа неприкосновенности частной непріятельской собственности на морѣ) подвергается только *въ видѣ наказанія* за нарушеніе блокады (при томъ *delicto flagrante*), т.-е. права воюющаго достигать законныхъ цѣлей войны посредствомъ пресѣченія всякихъ торговыхъ и иныхъ мирныхъ сношеній съ мѣстностью, принадлежащей противнику

и подлежащею блокадѣ. Нейтральный же, препятствующій (силою или обманомъ) воюющему въ той блокадѣ, нарушаетъ свою обязанность безпристрастія и невмѣшательства въ военныя дѣйствія и мѣры борющихся противниковъ, совершаетъ какъ бы уголовное преступленіе противъ общепризнанныхъ началъ международныхъ сношеній и права, за которое и повиненъ наказанію. Послѣднее и налагается на него въ видѣ захвата и конфискаціи корабля и той собственности, съ которою онъ хотѣлъ проникнуть за блокадную линію: другой юрисдикціи, другога права воюющей надъ нейтральнымъ не имѣетъ.

Итакъ парижскій конгрессъ не могъ отнять у воюющихъ права пользованія коммерческою блокадою, если она соединяетъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для дѣйствительности блокады. Члены конгресса хорошо были знакомы съ *историческими* прецедентами: исторія морскаго международнаго права не знала *ни одного* примѣра отказа воюющихъ отъ пользованія этимъ правомъ. Значительное большинство ученыхъ тоже высказывается въ пользу ея. Исключеніе — графъ Луккези-Палли, экономистъ Кобденъ и императоръ Наполеонъ I-й (см. пунктъ 4-й прелиминарій къ берлинскому декрету 1806 г.). Изъ нихъ послѣдній самъ постоянно нарушалъ международное право; Кобденъ же смотрѣлъ на дѣло съ точки зрѣнія узко-экономической, не обращая вниманія на *право* и нужды воюющихъ, на современныя условія морской войны. Могъ-ли, спрашивается, парижскій конгрессъ ввести это нововведеніе (т.-е. запрещеніе коммерческой блокады), не имѣющее историческихъ прецедентовъ и въ пользу котораго почти не раздается голосовъ въ наукѣ, конгрессъ, поставившій себѣ задачею санкціонировать только то, что уже сложилось медленнымъ историческимъ процессомъ и вошло, такъ сказать, въ плоть и кровь международного права? Компромиссъ, который удовлетворялъ бы современному развитію экономической жизни народовъ, конечно, возможенъ, и даже желателенъ; но для этого необходимо, чтобы державы ясно и опредѣленно высказались въ этомъ смыслѣ и формулировали свою волю въ юридическомъ актѣ, хотя бы, на примѣръ, въ особомъ дополненіи къ деклараціи.

III. Наконецъ тотъ же утвердительный отвѣтъ должно дать и по отношенію къ дозволенности и такъ-называемой *мирной блокады*. Какъ условія блокированія во время этой мирной блокады тѣ же, что и при обыкновенной, вся же разница между первою и послѣднею только въ томъ, что державы, налагающія *мирную* блокаду, мнятъ себя состоящими въ мирѣ съ государствомъ, подвергнутымъ той блокадѣ, то и невозможно отрицать ея законности, если только она предпринята при соблюденіи всѣхъ требованій, предлагаемыхъ актомъ 1856 года, отъ обыкновенной блокады. Въ текстѣ ни слова не упомянуто о случаяхъ этой мирной блокады. Является, слѣдовательно, вопросъ: не противна-ли послѣдняя *духу и цѣлямъ* парижской деклараціи вообще, а въ частности же параграфа 4-го деклараціи? *Гуманному духу* деклараціи и разсматриваемаго параграфа вполне соответствуетъ этотъ новый способъ веденія морскихъ войнъ, *безкровный*. Что мирная блокада есть дѣйствіе насильственное, сопряженное съ лишеніями для подвергающагося ей и для третьихъ государствъ (нейтральныхъ), т.-е. такое, которое мыслимо только во время войны,—не подлежитъ сомнѣнію и не можетъ быть серьезно оспариваемо. Но этотъ спеціальныи видъ войны отмѣняется болѣею, противъ обыкновенной, *гуманностью*: *мирная блокада—только ограниченная по способу веденія и сферѣ военныхъ дѣйствій война, смягченная по своимъ средствамъ и цѣлямъ*. Поэтому она удовлетворяетъ стремленіямъ нашего вѣка къ гуманизации морскихъ войнъ, гуманному духу деклараціи и ея цѣли — смягчить бѣдствія морской войны. Если при этомъ *исключительно страдаетъ частная собственность*, стремленіе къ охранѣ которой столь значительно въ наше время (ради чего уничтожено и каперство), то не слѣдуетъ забывать, что при примѣненіи этой мѣры подлежатъ захвату и конфискаціи *только* корабли (съ ихъ товарами), *виновные въ прямомъ вторженіи въ сферу правъ воюющаго* (т.-е. въ нарушеніи блокады). Вольно же, въ самомъ дѣлѣ, нейтральнымъ нарушать блокаду, правильно объявленную (посредствомъ общей и спеціальной нотификаціи о ней) и поддерживаемую достаточными силами! Въ вопросѣ о

нападеніи каперовъ или судовъ добровольнаго флота на купеческіе непріятельскіе корабли дѣло становится совершенно иначе: здѣсь захватываются и конфискуются вообще всѣ вражескіе корабли, виновные часто только въ томъ, что принадлежать врагу. На этомъ основаніи мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ большинствомъ членовъ гентскаго института международнаго права (засѣданіе въ Гаагѣ, въ 1875 году); большинство голосовъ этого почтеннаго собранія рѣшило, что мирная блокада незаконна и что нейтральные могутъ не подчиняться ей (?). Только два члена (Бульмеринкъ и Альбертъ Роленъ) высказали мнѣніе, близко-подходящее къ нашему, и, не развивъ его подробно, заявили, что мирная блокада должна быть разсматриваема, какъ *безкровная морская война*. Совершенно вѣрно; но замѣтимъ при этомъ, что самое названіе этой блокады — чистѣйшій абсурдъ, *contradictio in adjecto*. Ей слѣдовало бы дать совершенно иное названіе, такъ какъ она, несомнѣнно, война, только смягченная по своимъ способамъ и послѣдствіямъ, и обѣ стороны (налагающая и терпящая блокаду) должны считаться состоящими въ войнѣ. Отъ нихъ вполнѣ зависитъ ограничиться ею или обратитъ ту блокаду въ обыкновенную морскую войну. Намъ кажется, что справедливое рѣшеніе этого спорнаго вопроса возможно только при той *presumptio*, что эта блокада *война*, но только *смягченная*. Покуда же мнѣнія ученыхъ крайне противорѣчивы: *Гедфтеръ* считаетъ мирную блокаду безусловно-законною и дозволенною, равно какъ и *Коши*, видящій въ ней прогрессъ въ морскомъ международномъ правѣ». *Готфѣль* же и *Гесснеръ* нападаютъ на нее съ большимъ ожесточеніемъ.

Если же мы обратимся къ *исторіи*, то увидимъ, что эта система стала извѣстна съ 1827—28 годовъ. Ее впервые примѣнили тогда Франція, Россія и Англія противъ Турціи (въ защиту Греціи); далѣе она примѣнялась въ 1831 году (Франціей противъ Португаліи), въ 1833 г. (Франція и Англія противъ Голландіи), въ 1838—39 гг. (Франція противъ Мексики), въ 1838—48 годахъ (Франція и Англія противъ аргентинской республики). Бросается въ глаза тотъ знаменательный

Фактъ, что такъ-назыв. мирная блокада стала употребляться именно со второй четверти настоящаго столѣтія, т.-е. съ того момента, когда въ морскомъ международномъ правѣ замѣчается все большій прогрессъ по пути смягченія бѣдствій морской войны. Делегаты, засѣдавшіе на конгрессѣ 1856 года, имѣли передъ своими глазами всѣ эти историческіе прецеденты, въ которыхъ столь дѣятельную роль играли Франція, Англія, отчасти и Россія: всѣ три державы имѣли представителей на конгрессѣ и подписали декларацію 16 апрѣля 1856 года. Возможно-ли допустить мысль о томъ, что они молчаливо осудили мирную блокаду, не внося подобнаго осужденія ни въ протоколы засѣданія конгресса, ни въ прелиминаріи, ни наконецъ въ самый текстъ деклараціи?!

Во всякомъ случаѣ текстъ § 4 нуждается въ болѣе опредѣленной и точной редакціи. Было бы желательно и полезно замѣнить его текстомъ 4-го пункта деклараціи о первомъ вооруженномъ нейтралитетѣ: «pour déterminer ce qui caractérise un port bloqué, on n'accordera cette dénomination qu'à celui où il y a, par la disposition de la puissance qui l'attaque avec *des vaisseaux arrêtés et suffisamment proches*, danger évident d'entrer» (для блокады порта необходимо, чтобы держава, атакующая (блокирующая) портъ посредствомъ *стоящихъ и достаточно близко расположенныхъ кораблей*, дѣлала входъ въ него, очевидно, опаснымъ). Къ этому слѣдовало бы прибавить нѣсколько ясно, кратко и точно сформулированныхъ опредѣленій относительно *коммерческой* и такъ-наз. *морской блокады*, напр., просто даже выраженіе «un port de guerre ou commercial», замѣнивъ только слово «port» (портъ) выраженіемъ «un port de guerre ou un littoral commercial». О мирной же блокадѣ можно было бы выразиться такъ: «Le blocus nommé pacifique est défendu» или же, «le blocus nommé pacifique ne doit pas être considéré comme défendu» («блокада, называемая морскою, не должна быть разсматриваема какъ запрещенная», или же «блокада, называемая мирною, воспрещается»).

Въ заключеніе—нѣсколько замѣчаній о необходимыхъ дополненіяхъ къ парижской морской деклараціи. Эти дополне-

нія двоякаго рода: 1) нужныя и настоятельно необходимыя въ ближайшемъ будущемъ, безъ которыхъ анализируемый актъ лишенъ въ значительной степени своей практической приложимости, полезности, даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ, теоретическимъ и практическимъ лжетолкованіямъ; 2) дополненія, желательныя въ болѣе отдаленномъ будущемъ, когда декларация 16 апрѣля 1856 года, окончательно окрѣпла въ международныхъ сношеніяхъ и войдя въ плоть и кровь международного союза и права, потребуесть существенныхъ и важныхъ реформъ въ направленіи, предначертанномъ ею въ 1856 году. Къ дополненіямъ *перваго* рода относятся: а) *опредѣленіе о военной контрабандѣ* (объ этомъ говорено нами выше); б) *объ осмотрѣ, обыскѣ и конвоѣ*. Практическая приложимость началъ декларации можетъ умалиться въ значительной степени отъ злоупотребленій правомъ осмотра и обыска, примѣрами которыхъ такъ богата исторія морскаго международного права (особенно со стороны Великобританіи, всегда принимавшей это право воюющихъ въ самомъ широкомъ смыслѣ). Для настоящаго времени можно было бы контрагентамъ принять *объемы и форму осмотра*, установленныя въ *пиринейскомъ трактатѣ* 1659 года (Франція и Испанія), отмѣнивъ совершенно право *обыска* (*droit de recherche*) и дополнивъ тѣ постановленія опредѣленіемъ объ изъятіи отъ осмотра купеческихъ нейтральныхъ кораблей, конвоируемыхъ военнымъ кораблемъ, носящимъ тотъ же флагъ, офицеръ котораго представитъ удостовѣреніе отъ своего правительства на право конвоирования и *честнымъ словомъ* поручится за то, что конвоируемая имъ суда его національности не везутъ военной контрабанды въ порты противника, не намѣрены нарушить законно-установленной блокады и носятъ флагъ, дѣйствительно имъ принадлежащій. Только такую регламентаціею возможно было бы одинаково гарантировать законныя притязанія воюющихъ относительно контроля надъ дѣйствіями нейтральныхъ и права нейтральныхъ народовъ на возможно-широкую и не стѣсненную свободу торговыхъ сношеній съ воюющими.

Къ числу дополненій *втораго* рода мы относимъ: а) *реформу призоваго судоустройства и судопроизводства*. Первое оди-

наково должно оберегать *право и интересы воюющихъ и нейтральныхъ*. (До сихъ поръ всѣ суды этого рода, особенно англійскіе, заботились исключительно объ ревностномъ охраненіи права и даже незаконныхъ притязаній воюющаго, въ предѣлахъ территоріи котораго они основаны и дѣйствуютъ). Для этой цѣли необходимо, чтобы нейтральные также имѣли своихъ членовъ въ составѣ персонала призовыхъ трибуналовъ (напр. изъ консуловъ отъ нейтральныхъ державъ). Что касается до судопроизводства, то прежде всего надлежитъ руководствоваться обычаями, трактатами международными, а не внутренними, часто узко-національными и эгоистичными законоположеніями того государства, въ предѣлахъ котораго устроенъ и дѣйствуетъ призовъ судъ (послѣднимъ всегда злоупотребляли, по преимуществу, все та же Англія). Во 2-хъ— процессъ долженъ быть *состязательный*, причемъ не отвѣтчикъ (т.-е. нейтральный) долженъ опровергать обвиненія, т.-е. требованіе о конфискаціи, предъявленное каперомъ, а истецъ (т.-е. каперъ) долженъ доказывать на судъ справедливость и законность захвата нейтральнаго корабля или нейтральной собственности и происходящей изъ нихъ конфискаціи. И этого, къ сожалѣнію, нѣтъ въ современной призовой процедурѣ.

Наконецъ, в) второе важное дополненіе — *отмѣна права конфискаціи частной непріятельской собственности на морѣ, какъ это давно уже признано на сушѣ*. Къ этому стремятся международныя морскія сношенія и ученія современныхъ публицистовъ. Достиженіе этого принципа, его практическое осуществленіе — только дѣло времени. Когда свершится эта великая реформа, купеческіе непріятельскіе корабли вполнѣ подойдутъ подъ категорію нейтральныхъ, т.-е. будутъ подвергаться захвату и конфискаціи (послѣ правильнаго процесса, разсмотрѣннаго въ компетентномъ призовомъ судѣ) только въ случаяхъ подвоза военной контрабанды въ порты противника, нарушенія правильно-установленной, фактически поддержанной блокады, и наконецъ за сопротивленіе осмотру.

В. Даневскій.

